Пильняк Борис 12.10.94.

Независимая газ. — 1994. — 12 окт. — С.7.

КОМУ — ТАТОРЫ, А КОМУ — ЛЯТОРЫ

Незлые заметки к 100-летию со дня рождения Бориса Пильняка

Евгений Лесин

Эссе

А.S., или Заранее предупреждаю,

что в писаниях моих «нет насмешки, а если и есть усмешка, то добрая».

1. Объяснение к заголовку

ГЛАВА IV романа Пильняка «Голый год» начинается так: «(Объяснение к подзаголовку:

В Москве на Мясницкой стоит человек и читает вывеску магазина: «Коммутаторы, аккумуляторы».

— Ком-му...таторы, а... ккому ...ляторы... — И говорит: — Вишь, и тут обманывают простой народ!..)»

2. «До какой станции?»

В 1923 году Лев Троцкий писал (в книге «Литература и Революция»): *«Борис Пильняк, Всеволод Иванов, Николай Тихонов и «сепаратисты братья», Есенин с группой имажинистов, отчасти Клюев были бы невозможны — все вместе и не отрицают этого... Они не художники пролетарской революции, а ее художественные попутчики... Относительно попутчика всегда возникает вопрос: до какой станции? Этого вопроса нельзя сейчас, однако, предрешить и в самой приблизительной степени. Разрешение его зависит не только от субъективных свойств того или иного из попутчиков, но главным образом от объективного хода вещей в ближайшее десятилетие».*

Все правильно, Лев Давидович, вы угадали. И если Пильняк и Клюев проехали чуть более отмеренных вами десяти лет, то Есенин зато сошел несколько раньше. В судьбе же Иванова и Тихонова, видимо, все-таки немалую роль сыграли «субъективные свойства» этих попутчиков.

И еще — о Последней Станции. Злопыхатели много всего наизмышляли. В частности, что репрессированным в 30-е годы предъявлялись дикие, немыслимые в своей несправедливости и несправедливые в своей немыслимости обвинения. Это неверно. Вот Пильняк, например, Борис Андреевич (никакой, кстати, он не Пильняк, а самый настоящий Вогау! Но об этом чуть позже) ездил в свое время в страну Японию, писал даже о ней («Камни и корни», «Корни японского солнца», «Олений город Нара»...)

Так в чем, как вы думаете, его обвинили? В том, что он японский шпион. Не бразильский ведь или там мексиканский, а самый что ни на есть японский. А то, что не был Пильняк В.А. шпионом, — это уже пустяки, издержки, так сказать, производства. Дел-то ведь много таких было, спешили ребята, может, где и «насмешил людей».

А если быть точным документально, то вот ответ из Военной коллегии Верховного суда СССР на заявление сына писателя В.В.Андроникашвили-Пильняка: *«Пильняк-Вогау Борис Андреевич, 1894 года рождения, был необоснованно осужден 21 апреля 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР по ложному обвинению в совершении государственных преступлений и приговорен к расстрелу. По уточненным данным, приговор приведен в исполнение 21 апреля 1938 года».*

3. Кстати, об «уточнении данных»

В 1976 году вышел том «избранных произведений» Бориса Пильняка. История его выхода — это, как говорится, особая история:

«... Мама рассказывала мне, как вели себя друзья отца после его ареста: Николай Федорович Погодин нисколько не изменил своего поведения, приходил не чаще и не реже и сидел столько же... Федин прокрадывался, когда стемнеет, осторожно и пугливо оглядываясь...

В 1957 года Н.Ф. Погодин возглавил комиссию по литературному наследию Б.А.Пильняка. Сначала думали издать четыре тома, затем два, потом один. Наконец, когда все было решено, Федин, который даже не был членом комиссии, подал отдельное мнение в ЦК, не согласное с мнением членов комиссии — Вс. Иванова, И.Эренбурга, В.Лидина. Он писал, что Пильняка сейчас издавать несвоевременно, вредно. В результате издание произведений Бориса Андреевича отложилось на двенадцать лет».

Б.Б.Андроникашвили-Пильняк. «Пильняк, 37-й год».

Так вот, об «уточнении данных». Книга Бориса Пильняка, вышедшая в 1976 году, вышла тогда «под конвоем» В.Новикова, то есть с его (В.Новикова) *«вступительной статьей, комментариями, составлением и подготовкой текста»*. Помимо, увы, неизбежных в то время (иначе бы просто не вышла книга) фраз об «ошибках», «творческих просчетах», противоречиях в мировоззрении» и проч., есть во вступительной статье место:

«Литературная жизнь В.Пильняка оборвалась в 1937 году. Умер он 9 сентября 1941 года».

Впечатление такое, что в 37-м он неожиданно забыл алфавит (подобно Леметру и Сигизмунду Кржижановскому), а в 41-м случайно раздавлен фашистским танком.

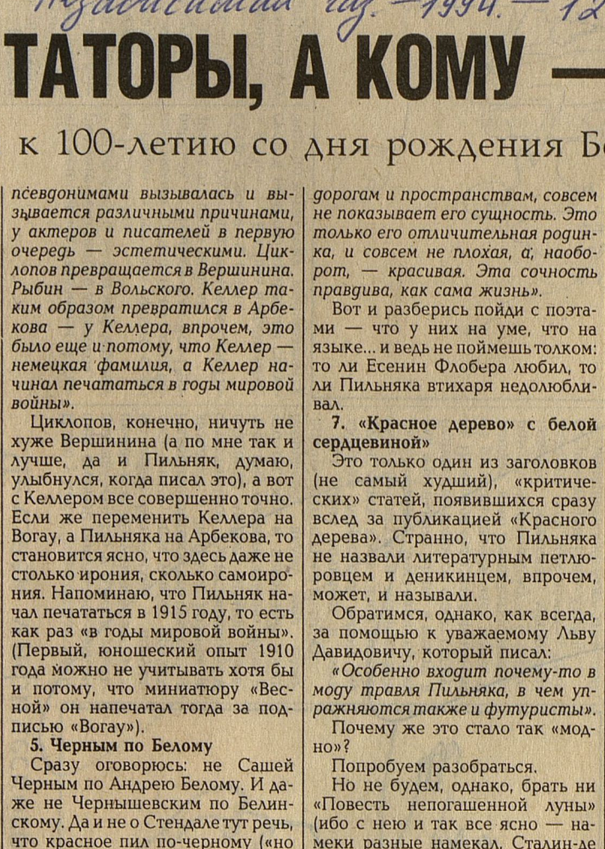
4. «Изменение фамилий, —

пишет Пильняк в романе «Созревание плодов», — *замена их псевдонимами вызывалась и вызывается различными причинами, у актеров и писателей в первую очередь — эстетическими. Циклопов превращается в Вершинина. Рыбин — в Вольского. Келлер таким образом превратился в Арбекова — у Келлера, впрочем, это было еще и потому, что Келлер — немецкая фамилия, а Келлер начинал печататься в годы мировой войны».*

Циклопов, конечно, ничуть не хуже Вершинина (а по мне так и лучше, да и Пильняк, думаю, улыбнулся, когда писал это), а вот с Келлером все совершенно точно. Если же переменить Келлера на Вогау, а Пильняка на Арбекова, то становится ясно, что здесь даже не столько ирония, сколько самоирония. Напоминаю, что Пильняк начал печататься в 1915 году, то есть как раз «в годы мировой войны». (Первый, юношеский опыт 1910 года можно не учитывать хотя бы и потому, что миниатюру «Весной» он напечатал тогда за подписью «Вогау»).

5. Черным по Белому

Сразу оговорюсь: не Сашей Черным по Андрею Белому. И даже не Чернышевским по Белинскому. Да и не о Стендале тут речь, что красное пил по-черному («но об этом чуть позже»). Впрочем, Андрей Белый (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева) играет в этой заметке далеко не последнюю роль.



Борис Пильняк.

За разъяснениями обратимся к Льву Давидовичу Троцкому:

«Совершенно непонятно, каким образом Пильняк мог попасть в художественную зависимость от Белого (тем более непонятно!), *и потом от худших сторон Белого* (тем более непонятно!)*?.. все это не нужно, надоедливо и подражательно: черным по...Белому».*

И, надо заметить, не один Троцкий (он же Бронштейн) эдакое вот пишет. Все — от мала, можно сказать, до велика, единодушным хором поют: Ах, Андрей Белый! Ах, Андрей Белый!..

Да какой там Андрей Белый (и даже Ремизов)! Если о стиле речь, так это все от Лоренса Стерна пошло (а то и пораньше), в остальном же — и Александр Грин есть («Грего-тримунтан»), да и Бодлер с Тургеневым. Не верите? А вот смотрите:

«Гудки гудели долго, медленно, — один, два, три, много, — сливались в серый над городом вой: это, в этот притихший перед рассветом час, гудели заводы, — но с окраин долетали визгливые, бередящие свисты паровозов, идущих и уходящих поездов, — и было совершенно понятно, что этими гудками воет городская душа, залапанная ныне туманной мутью».

Что же это, разве не стихотворение в прозе? И так — везде. Потому и разорвано повествование, что каждый кусочек, лоскуток каждый, имеет свою, самостоятельную ценность. Впрочем, об этом — все.

Теперь P.S. Пильняка звали Борис Андреевич.

А Белый, в бытность Бугаевым, — звался Борисом. А стал Андреем.

6. «Флобер лучше писал, —

говорил пьяный Есенин Вадиму Шершеневичу.

— Сережа! При чем тут Флобер?

— При том, что надо написать, чтоб было лучше Флобера.

—Да ведь у Пильняка и Флобера совершенно разные манеры. Как можно их даже сравнивать?

— Все равно хуже Флобера...»

В.Шершеневич. «Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910—1925 гг.»

И в то же самое время (т.е., разумеется, в другое) трезвый Есенин писал:

«Пильняк изумительно талантливый писатель, быть может, немного лишенный дара фабульной фантазии, но зато владеющий самым тонким мастерством слова и походкой настроений. ...То, что Пильняк сочно описывает на пути своих повестей, как самцы мнут баб по всем расейским дорогам и пространствам, совсем не показывает его сущность. Это только его отличительная родинка, и совсем не плохая, а, наоборот, — красивая. Эта сочность правдива, как сама жизнь».

Вот и разберись пойди с поэтами — что у них на уме, что на языке... и ведь не поймешь толком: то ли Есенин Флобера любил, то ли Пильняка втихаря недолюбливал.

7. «Красное дерево» с белой сердцевиной»

Это только один из заголовков (не самый худший), «критических» статей, появившихся сразу вслед за публикацией «Красного дерева». Странно, что Пильняка не назвали литературным петлюровцем и деникинцем, впрочем, может, и называли.

Обратимся, однако, как всегда, за помощью к уважаемому Льву Давидовичу, который писал:

«Особенно входит почему-то в моду травля Пильняка, в чем упражняются также и футуристы».

Почему же это стало так «модно»?

Попробуем разобраться.

Но не будем, однако, брать ни «Повесть непогашенной луны» (ибо с нею и так все ясно — намеки разные намекал, Сталин-де друзей своих бывших не только расстреливает, но и запросто убивает), ни «Красное дерево», о коем бдительно следящие за «модой» написали столько, что прямо с души воротит, а возьмем что-нибудь безобидное, тихое, без громкого и знакомого всем названия. А лучше так и вовсе — без названия. Тем более что у Пильняка подобный рассказ есть. Не то чтоб он был совсем без названия, нет, конечно. Название у него есть, но его как бы и нет. Дело в том, что название его так и звучит: «Без названия». В предисловии к «избранным произведениям» Пильняка 1976 года об этом рассказе написано так:

«В литературной манере Пильняк пытался поэтизировать подвижническую жизнь революционеров, рассказать об их новой морали (а может, новом порядке?), *чистых глубоких чувствах. Такова миниатюра «Без названия» (1926) — об исполнении решения парторганизации — убить провокатора и о любви двух революционеров, ставивших долг выше личных отношений».*

Если эту «миниатюру» не читать, то возникает такая примерно картина:

— Любимая! Мы должны убить провокатора.

— Разумеется, милый.

(выстрелы, поцелуй)

или наоборот: *(поцелуй, выстрелы).*

В любом случае, это больше похоже на Николая Эрдмана, который хотел и начинал как поэт у имажинистов, революцию почему-то не поэтизировал. Впрочем, Эрдман вообще мало чего поэтизировал, но о нем — в следующей заметке.

Вернемся все же к миниатюре. Написана она и впрямь поэтично. Только это не песнь и не ода, а пессимистическая трагедия, крик боли и вопль отчаяния:

«Этот осенний осиновый иудин перелесок остался в памяти не от той ночи, когда он убил здесь человека, ...но от той, когда он, по странному закону природы, повелевающему убийце прийти на место убийства, — черными, осенними сумерками пришел прокоротать ночь на том месте, где он: УБИЛ ЛЮБОВЬ».

Да, встретились на партзадании два юных революционера, полюбили друг друга и выполнили долг свой, но убили они не провокатора (хотя и его тоже), они: УБИЛИ ЛЮБОВЬ. Во имя чего, спросите? Вот во имя чего:

«В комнату, если не зажигать электричества, идет синий свет улиц, — и в синем этом мраке над Кремлем, над зданием ЦИКа плещется знамя, — то, ради которого погребен в памяти осиновый перелесок».

8. Москва с точки зрения

Так называлось веселое «обозрение в 3 действиях и 7 картинах», одним из авторов которого (наряду с Гутманом, Массом и Типотом) был Николай Эрдман.

Судьба самого Эрдмана не столь радостна и весела: пока Сталин до слез хохотал над «Веселыми ребятами», автор сценария к ним, Николай Эрдман, тянул срок. Дошутился.

Но это все позже, а пока, в 1924 году, Московский театр сатиры ставит «Москву с точки зрения».

Одна из сцен — чемпионат литературной борьбы.

Борются Маяковский с Есениным, Пильняк с Эренбургом.

Есенин начинает первым, но получает по шее — против лома, как говорится, нет приема.

Пильняк же и Эренбург — «бывшие любимцы публики» — нарушают все правила: то «любезно здороваются», то «предлагают друг другу папиросы»...

Арбитр подзуживает: «Борис Пильняк — Эренбургом будешь».

А напостовец так вообще недоволен, не доверяет им и хочет узнать, кто кому напильнячит. Арбитр все же благоразумнее:

— Но ведь они же хорошо пишут?

— Эти буржуа знают привычку хорошо писать. Надо, чтобы было нехорошо, но зато про фабрику.

Верно, товарищ напостовец. Так их, а то прямо как орловские помещики, которые тоже «как правило — хорошо пишут». Жаль только, и вам *на посту* стоять не долго — расстреляют, поди, вместе со всеми...

9. О сокровенном («Из мира прекрасного»)

Сначала не о самом сокровенном, а просто — о звездах.

И о луне (пока не погасили).

Из письма Б. Пильняка Д.А. Лутохину:

«Смотрел на Большую Медведицу — посмотрите на нее сегодня вечером, когда получите это письмо...»

Из «Дневника» Д.А. Лутохина:

«... посмотрев на Б. Медведицу, сел писать Пильняку»

Еще из одного письма Д.А. Лутохину:

«Напишите, как под Вашим небом луна ходит: давайте вместе на нее поглядим...»

Еще из одного письма... стоп! а это уже Сокровенное (для меня, конечно) пошло:

«Что у Вас? — как вы поживаете? — как дела? — когда в Россию?

Вы писали, чтобы помог я Вам домой вернуться, — где мне!.. А не плохо было бы, если бы Вы с такой просьбой обратились в Союз писателей (Москва, Тверской бульвар, 25)»

Ну да!! обращайся в этот «Тверской бульвар, 25», не обращайся — хорошего ничего не выйдет! Сейчас, слава богу, там не Союз писателей, а Литературный институт всего лишь, но — радости мало. Вот я уже пятый год там учусь, а все ж не дают мне спокойно портвейну на перемене выпить!

Ну — коли добрались мы до главного, Сокровенного — продолжаю. Письмо Пильняка — Лутохину:

«... простите меня, что в январе, по дороге за границу, не добрался я к Вам, — в том вина пьянство: оба дня — только 2 дня я пробыл в Питере — был я пьян, напролет, напролет не спал, ничего не понимал».

Это как нельзя верно. Питер — городок скучный, и делать там, окромя пьянства, действительно нечего. Недаром говорят в МГУ: *«Если утром вы прогуливаетесь по Москве и город вам почему-то не нравится — значит вы в Ленинграде».*

А вот другое письмо, январь 1924:

«Пить я бросил, уже много времени, и пить не буду».

То есть — как? Вот тебе, значит, бабушка, и Юрьев день?

Нет уж! Посмотрим дневниковую запись Б. Анненкова, май 1924:

«Почти всю ночь просидел в пивной с Борисом Пильняком».

Ну прямо от сердца отлегло!

10. Сокровенное № 2, или Жулики

Эта заметка — самая короткая.

«Жулики» — мой любимый рассказ Бориса Пильняка.

Ничего о нем говорить не буду — специально.

Прочтите сами.

11. И напоследок

несколько эпиграфов.

Пусть не смущает вас, что помещаю эпиграфы я в конце текста, а не в начале. Лучше поздно, чем никогда, и вообще — это уж мое, извините, дело, где эпиграфы помещать!

«А сейчас сижу дома, никуда не хочу смотреть и пишу, как из ведра, о любви, о смерти и о времени». (Из письма Д.А. Лутохину.)

— Что делаешь, Наташа? — спросил отец.

— Я хочу погасить луну, — ответила Наташа.

Полная луна купчихой плыла за облаками, уставая торопиться.

(«Повесть непогашенной луны».)

Я был счастлив, но увы и ах, даже записка от нее успела истлеть, а сама она уехала в Америку... («Соляной амбар»)

Примечание:

A.S. — antescriptum, т.е. — перед написанным.

Бродячая собака

Диспут о литературе и театре 26 мая 1925 года

...В СВОЕМ вступительном слове Луначарский «намечает пункты», «ставит вехи» и прочее, что полагается. Он утверждает, что существует литература многоцветная, талантливая: «естественно», что из этой пестроты «обязательно возникает брожение»...

Далее выступает А.Глебов: он называет себя драматургом, но в сущности он хирург. Судите сами. «Октябрьская революция, — говорит Глебов, — произвела над носителями буржуазной культуры операцию Штейнаха. В результате этой операции часть русских интеллигентов погибла, часть была кастрирована, а часть оказалась омоложенною. В качестве такого омоложенного экземпляра фигурирует товарищ Маяковский... Его коллега, тов. Брик, проявляет менее резкие признаки омоложения». А за рубежом целый ряд писателей «остались в состоянии идейных кастратов». Он требует, чтобы ЦК финансировал пролетарское творчество, и обещает столкнуть старую литературу «с парохода нынешней советской пролетарской современности».

Тов. Лелевич — так тот просто приказывает разогнать всяких «попутчиков», вроде Эренбурга, и учредить «гегемонию пролетарской литературы», породившей уже гениев, вроде Либединского и Безыменского. «Такого явления, когда мы видим в наших органах Ходасевичей, Ахматовых и т.д., быть не должно». Расчистим дорогу, ибо «к нам идут сотни талантов из рабкоровских кружков»...

Вот тут-то и появляется Маяковский и дерзко заявляет, что вся пролетарская литература — сплошной «позорный самотек». Рабкоры не пошли дальше стишков:

Я пролетарская пушка,
Стреляю туда и сюда.

Убожество в литературе, убожество и в театре. И вдруг предводитель левого фронта цитирует Пушкина и говорит об обаянии онегинской строфы. В классицизм Маяковского плохо верится, но его «беглый взгляд» на современную литературу и искусство кажется вполне убедительным.

Тогда поднимается Пильняк и утверждает, что литература и революция — всегда разные, что Пастернак — поэт хороший, хотя и не написал ни одного стихотворения об Октябре. Лучше поменьше искать «классовых подходов» и побольше работать. Пильняк, как и Маяковский, говорит дельно и элементарно, но говорят они не перед учениками третьего класса, а перед марксистами, а потому речи их неуместны. В доказательство того положения, что литература есть «большой труд», Пильняк приводит отрывок из своей биографии: «Со мной начинали по моему счету 500 человек, все одинаково работали, но мне повезло, а другим не повезло. Почему? Потому, что я более способен, а другие менее способны. Элемент талантливости, конечно, играет решающую роль». Уверяю недоверчивого читателя, что я цитирую буквально.

Константин МОЧУЛЬСКИЙ

(«Звено» №103 от 19.01.1925. Из собрания С.Ф.)

Вечер в «Доме искусств»

...БОРИС Пильняк восклицает в своих английских рассказах: «Можно годы дружить с англичанином, бывать у него запросто, и все же не узнаешь, во что он верует, как верует, чем живет, о чем мечтает...»

Допустим, что это так. Зато, прочтя одну страницу Пильняка про него самого, все это в точности узнаешь. Право, из двух зол мы выбираем меньшее.

Пильняк, при своем появлении, был восторженно принят критикой. Чуковский и Шкловский ходили как одурманенные и только и говорили, что о новой звезде. Потом звезда померкла, и ее все дружно принялись ругать. Истина — посредине. Пильняк, как Чичиков, — «не слишком толст, однако и не так, чтоб уж слишком тонок».

Невыносим в нем, главным образом, его стиль. Тонешь и теряешься в этом безудержном лиризме, пухлом, кислом и слезливом. Пильняк способен внушить на всю жизнь отвращение к тому, что принято называть «поэтическим языком», и заставить полюбить учебник, биржевые отчеты и объявления...

Мне вспоминается вечер в петербургском «Доме искусств» года три назад. Тогда только что стали выдавать заграничные паспорта. Пильняк вместе с Кусиковым ехали из Москвы в Берлин и проездом были в Петербурге. Вечер был бестолковый, шумный и бурный. К пяти часам утра все перепились.

Уже собираясь домой, я зашел в комнату М.Слонимского, одного из «серапионов». Комната маленькая, вся задымленная. В ней человек двадцать, кто на кровати, кто на полу. Один вполголоса читает стихи. Другой плачет, сам не зная о чем. Посредине стоит Пильняк, трезвый, честный, с очками на носу, похожий на сельского учителя, и отчаянным голосом, вероятно в десятый раз, спрашивает:

— Господа, так что же я должен передать русской эмиграции?

Никто его не слушал и никто не отвечал.

Мне тогда же подумалось: не быть этому человеку большим писателем. Кажется, я не ошибся.

Георгий АДАМОВИЧ

(«Звено» №110 от 9.03.1925. Из собрания О.К.)

Бродячая собака

АВТОШКОЛА

Ускоренный курс обучения по госрасценкам. У НАС:

- Медкомиссия
- фотограф
- автотренажеры

Студентам и допризывникам - льготы. Вождение в удобном для Вас районе.

Тел.: 455-76-58, 455-76-96, 455-69-96, 465-31-25, 126-46-68, 455-34-46

«Считаю началом своей литературной деятельности 1915 г., когда приняты и появились вещи (часть которых вошла в сборники, как, например, рассказ о птицах) в журнале Миролюбова, в «Русской мысли», в «Жатве», «Сполохах» и пр. толстых журналах и альманахах», — писал Борис Андреевич в автобиографических заметках 1928 года. И вот из другой анкеты: «Первый мой рассказ, размером в пол-листа, был напечатан, когда мне было 13 лет, в «Весне» Шебуева, без моей фамилии, — но началом моей литературной работы я считаю лето 1915-го года, когда я написал сразу пять рассказов, из которых один («Над оврагом», или «Целая жизнь», что одно и то же) был напечатан в апрельской за 1916 год книжке «Русской мысли», второй и третий у Миролюбова, четвертый в «Творчестве» Абрамова («Смерти»). «Целую жизнь» и «Смерти» я включил в мои томы».

Публикуемые ниже письма адресованы Альвингу Арсению Алексеевичу (поэт, редактор альманаха «Жатва») и Чернышеву Алексею Михайловичу (редактор «Млечного пути»); одно письмо — секретарю редакции «Русская мысль».

Архив

БОРИС ПИЛЬНЯК. ГОДЫ МОЛОДЫЕ

Из неопубликованных писем

Кривякино, 29.V.15.

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович.

Чрезмерно извиняюсь за мой долгий ответ: лето, и <нрзб>.

Касательно Нахима я вполне согласен с Вами. Удалить «библию», я думаю, можно способом ниже-следующим. В том месте, где «библия» упоминается на берегах Мертвого моря, заменить ее надо «священными книгами»: «и читал книги священные»... Там же, где Нахим подкладывает «библию» под голову, замените ее «Пятикнижием Моисеевым»[1].

Теперь касательно «Сполохов». Я совершенно случайно встретил одну из книг «Сполохов» и нашел, что издательство это весьма благоприлично, в сотрудники которого попасть следует. Поэтому у меня к Вам такая просьба. Очень возможно, и много шансов за то, что рассказ мой, туда направленный Вами, принят не будет, ибо, в сущности, он сугубо плох. Поэтому, будьте так добры, поторопите Ютанова с ответом и сообщите мне срок, до которого можно присылать Ютанову рукопись, чтобы рассчитывать попасть в ближайший сборник, ибо я пошлю тогда ему хороший уже рассказ.

На днях я, кажется, напишу штук пять миниатюр, сколь это ни скверно: писать миниатюры[2]. Если они будут удовлетворительными, а я на это рассчитываю, ибо их темы вынашивались года три, с тех пор как я бросил писать стихи и их, — то я пришлю Вам.

Спасибо за честь, Вами мне оказанную. Я никак не думал, что мои рассказы пойдут так скоро[3].

У меня живет Н.Ал. Павлович. Я не осмеливаюсь, но она просила написать Вам и передать просьбу приехать к.-ниб. к нам сюда погостить немного. У нас здесь — река. Екатерининская усадьба, парк, пруды, совы, кукушки, соловьи, рыбы, грибы, цветы... Приезжайте, если это устраивает Вас. Я буду очень рад, буду водить и показывать Вам местные красоты. Н.Ал. будет читать стихи и бранить меня: она очень строга ко мне. Будет весьма «пейзанно», просто, солнечно и — хорошо.

Приезжайте. Всего, всего лучшего Вам.

Всегда благодарный Вам
Бор. Пильняк.
Коломна, 26.VII.15.

1) Речь идет о рассказе 1911 г. «Гам-зу-льтейство». Был опубликован в шестом номере журнала «Млечный путь» (1915).

2) Миниатюры, подписанные Б. Пильняком и Н. Павлович, нигде не публиковались.

3) Речь идет о публикации рассказов «Юра» (№5) и «Гам-зу-льтейство» (№6).

* * *

Дорогой Арсений Алексеевич!

После бурь и всяких гадостей, я — в тишине, покое, одиночестве, с книгами и мыслями. Чувствую себя благолепно. Пишу, готовлюсь к экзаменам[1].

Я давно не писал Вам и первым делом должен извиниться перед Вами за беспокойство, которое делал Вам, и поблагодарить Вас за то, что Вы не рассердились.

— Извиняюсь и благодарю.

У меня, знаете ли, был оч. скверный «переплет» в Саратове. Заболела Н.Ал., чем — думаю, догадываетесь. Денег не было ни гроша. Насилу занял, чтобы отправить ее в Москву, где есть знакомые врачи. Сам же — неведомо мне, каким чудом вернулся домой. Теперь это все уладилось. И я даже вспоминаю об этом с удовольствием, ибо поточил лишний раз и так весьма заточенные нервы и получил несколько поучительных темок для моих творений.

Теперь в Коломне. Благолепно и тихо.

Main фатер[2] уехал в отпуск на Волгу, и я, Н.Ал. и студент-ветеринар, коммунально, живем на отцовой квартире, мною называемой — сараем. Больше всего счастлив тем, что тихо и есть ванна: затупляю по малости нервы.

Н.Ал. говорила, что Вы все-таки скоро расплюетесь с Москвой. Будьте таким хорошим, приезжайте к нам. Ей-богу, здесь оч. тихо.

О моей «литературе». Пишу. Дела идут хорошо. Как раз сегодня начал рассказ — помните? — о филинах, намеченный мною в приношение Вам. Рассказ должен быть хорошим[3].

Потом на днях я закончил (завтра отдам переремингтонить) рассказ под заглавием «Как обыкновенно». Всякий автор смотрит на свои вещи субъективно; поэтому, б. мож., я ошибаюсь; но все же заявляю Вам, что лучше этого рассказа нет у меня ничего, несмотря на то, что он выйдет всего стр. на двенадцать печатных. Я бы отдал его Вам с наслаждением и радостью, но Вы говорили, что я смогу явиться на листах «Жатвы» только через книгу; следовательно, через год; за это время я еще напишу что-нибудь хорошее, а пока этот рассказ думаю направить в «Русск. мысль», дабы возгордился мой дух. Вот касательно этого я и хочу поговорить с Вами.

Дело такое. У меня есть предложение послать рассказ Миролюбову в «Ежем. журнал» (один рассказ принят, просят еще). Затем косвенное предложение и обеспеченное помещение — в «Русские Записки». Но мне хочется в «Р. мысль», ибо этот журнал весьма симпатичен мне. В то же время я боюсь, что в «Р. мысли» рассказ может закиснуть на несколько месяцев. Это мне не улыбается, ибо надо ковать железо, пока горячо, а осенью появятся мои рассказы, под сенью «Севки», в четырех «толстых» изданиях...

Ну, так вот. Я и хочу Вас спросить: не знаете ли вы, туго относятся в «Р. м.» к молодым и читают ли их творения? Это раз. А во вторых, если это так (касательно тугости), не сможете ли Вы нажать соответствующую пружину или даже прямо переслать или передать рассказ?.. — у Вас там Брюсов[4]... еще кто?.. Я, со своей стороны, ей-богу, думаю, что Вам за рассказ мой краснеть не придется.

Будьте добрым, Арсений Алексеевич, черкните мне об этом, да поскорее. Если Вы мне эту службу сослужите, буду по гроб жизни благодарен!..

Приезжайте.

Пишите.

Когда же выйдет «Жатва»[5]? — я об этом уже боюсь спрашивать.

Что с моим «Первым днем весны»[6]?

Как Ваше здоровье?

Что в Москве?

Ваш Бор.Вогау.

Адрес:
Коломна,
Ветеринарная больница,
мне.

1) Учился в Московском коммерческом институте.

2) Отец Б.А. Пильняка — А.И. Вогау.

3) Рассказ «Целая жизнь» вышел в апрельском номере журнала «Русская мысль» (1916 г.)

4) В.Я. Брюсов — поэт, переводчик, романист.

5) Рассказ «О Севке» вышел в № 6-7, 1915 г.

6) Впервые опубликован в первом номере журнала «Млечный путь» 1916 г.

* * *

Пильнянка, 2.X.15.

Дорогой Арсений Алексеевич!

Борис Пильняк пишет Вам с Пильнянки. Это святое место в Малороссии. Здесь много солнца, тишины, горизонтов, сумерок; два камина, диваны, парк, верховые лошади. Мало — людей. Только художник Савинов с женою-итальянкою и двумя сынами, которым вместе нет шести лет. Художник расписывает церковь и сам святой. С лица напоминает чудотворца Николая.

Я попал сюда — неизвестно почему и как. Дорогой сюда думал потупить малость нервы и пописать. Приехал, решил пострелять-ся[1]. Но пуля благосклонно только порвала мясо и не задела моего духа. Теперь я здоров духом и поправляю плоть.

Пишу. Думаю за этот месяц написать целые горы.

Поэтому обращаюсь вторично к Вам с вопрошением: можно ли дать в следующую книгу рассказец? — Ответьте!! хороший рассказ сочиню.

Потом о последней «Жатве». Были ли где-нибудь отзывы, касающиеся меня? Если — да, то какие? Если Вы сможете прислать вырезку — расцелую Вас. Затем. Будьте таким добрым, Арсений Алексеевич, пошлите одну книжку «Жатвы» моему отцу: Коломна, Моск. губ., земская ветеринарная больница, Андрею Ивановичу Вогау. Пожалуйста. Я пять авторских экземпляров забрал. Если еще одного нельзя, — пусть это будет в счет гонорара.

Потом, засим...

Арсений Алексеевич! Умоляю, пришлите мне сюда, на поэтическую Пильнянку, ну, если не все оставшиеся у Вас за «Севкой» деньги, хоть четвертной, решив умирать, я уехал из М. без гроша и не знаю, как теперь вернуться обратно. Ради святого Арсения, дорогой Арсений Алексеевич!

Наконец: Что известно с Чулковым, «Русской мыслью» и «Целой жизнью»[2]? Месяц уже прошел. Это тоже меня интересует.

Сейчас кончу письмо, поем и поеду верхом. А в сумерки буду сидеть у камина и мечтать о том времени, когда у меня будет это — пудовое имя, жена, дети и свой замок а la Пильнянка.

В Харькове, после полуторалетнего перерыва, я упился изрядно самым настоящим русским пивом.

Кланяйтесь тем, кто меня знает. Варваре Михайловне передайте, что я преклоняюсь перед величием ее духа и тела.

Ваш покорный слуга и сотрудник

Бор. Пильняк.

Адрес:

Почтово-телеграфное отделение Гуты (Гуты), Харьковс. губ. Хутор Пильнянка, худ. А.И. Савинову, для Б.А. В-у.

1) Осенью произошел разрыв отношений Б. Пильняка с Н. Павлович.

2) Смотри предыдущее письмо.

* * *

Коломна, 25 августа 917 г.

Дорогой Алексей Михайлович, это, конечно, очень нехорошо, что пишу я только по делу Вам и ни разу не собрался написать, для того чтобы написать. Но ей-богу — так треплешься, что не видишь времени.

Дело же мое к Вам такое. Н.М. Богачев мне сообщил, что послал Вам пьесу свою «Анна Прекрасная», с которой поступить просил так: 1) если Вы возьмете ее для себя (Вы проектируете альманах?), то — мне (Н.М. просил) прокорректировать и проредактировать ее, для чего им присланы «пункты»; 2) если Вы не возьмете ее, то мне же озаботиться подысканием для нее места.

Затем Н.М. прислал на Ваше имя для меня несколько рисунков.

Я только что сегодня возвратился с фронта, из Армейского комитета III армии, где работал в газете и читал лекции по кооперации(!) и государственному праву(!), став за последние дни большим(!) общественником(!)... Мне хочется отдохнуть, посидеть за столом, пожить «барски», писать «пролетарского» пребывания на фронте, — и в Москве я буду только 13 сентября. Если корректура пьесы нужна спешно — пришлите мне. Или нет, вообще, если можно — пришлите, пожалуйста. За эти две недели моего отдыха у меня будет свободное время, и я с удовольствием покопаюсь в ней.

Это одна просьба.

Затем — рисунки. Их я захвачу, зашед к Вам. Но: — Н.М. оставил мне письмо к Сергею (как по отчеству?!) Спасскому[1], в котором просил Спасского передать мне картины Н.М. — мне. Спасского я никак не мог изловить в Москве. Вы его знаете и, верно, имеете с ним связь. Поэтому (это прошу я гл. образом ради Н. Михайловича!) — попросите Спасского картины занести Вам, дабы я их у Вас забрал. Передайте Спасскому, что у меня есть письмо к нему от Н.М., где писано о том, что Н.М. просит передать мне только те картины, кот. оставлены **на хранение.**

Пожалуйста, Алексей Михайлович, если это Вас не особо затруднит. Николай же Михайлович сделал меня своим штаб-поверенным. В частности, при первой моей поездке в Москву, я должен буду разыскать некую Елену, чтобы взять у нее белье.

Этим кончаются мои просьбы.

Я — женился, окончательно, серьезно, при помощи церковного участка, на некой врачице (земской!) Марии Алексеевне Соколовой (которая в данный момент — на обходе в своей больнице), женщине рассудительной (литературу — никакую — не признает), строгой (бранит меня и не особенно охотно позволяет ухаживать за всеми прочими женщинами, кроме нее) и правильной жизни.

Пишу мало беллетристики (за все лето три рассказа)[2], но много очерков и статей для газет и «Сегодня», которыми и питаюсь. Изредка сажусь за роман, который начал давно, но и закончен будет — тоже давно!... Поехал на фронт, получил массу впечатлений, кои и буду теперь излагать, тем паче что недели две могу не думать о деньгах, ибо и их привез в весьма достаточном количестве с фронта. Хотя — вообще-то — я в деньгах и не стеснен особенно: литература начала уже хорошо кормить, особенно газета.

Как-то уж очень я затрепался в жизни. Это мешает писательству.

А как поживаете Вы? Что хорошего у Вас, что «Путь»?

Напишите мне, я очень рад буду Вашему письму.

Н.Н. Ливкин, которого за этот год я видел всего 1 раз, мне говорил, что Вы проектируете альманах. Правда? Пожалуйста, не забудьте, при составлении его, обо мне. Все-таки я причислен к «Млечному пути» и теперь при «аттестате зрелости» его — хочу быть большим рассказом на его страницах.

Всего хорошего Вам. Жму Вашу руку.

Ваш Бор. Пильняк.

1) Писатель, беллетрист.

2) «Снега», «Письмо из Коломны», «С последним пароходом».

Вступление к публикации Киры АНДРОНИКАШВИЛИ-ПИЛЬНЯК